

Кровавая печать? Что это за штука?

Сюэ Сянь приподнял веки и впился взглядом в советника Лю.

Такая кровавая печать на виске означала, что человека окропила кровь того, кто затаил на него лютую обиду. Это была своего рода метка, чтобы в будущем, когда придет время сводить счета, не ошибиться объектом. Раньше, сидя в потайном кармане и будучи занятым препирательствами с Сюань Минем, Сюэ Сянь этого не заметил. Но теперь, успокоившись, он почувствовал запах, исходящий от советника Лю.

Этот запах шел от кровавой печати. Он напоминал ржавчину, но с каким-то неуловимым отличием. Для Сюэ Сяня этот аромат был до боли знаком — это была его собственная кровь.

С того самого дня, как он пришел в себя, он разыскивал того, кто лишил его костей и жил. Однако он не знал ни внешности этого человека, ни его происхождения, поэтому все поиски были тщетны. Единственной его зацепкой была собственная кровь. Те, на кого она попала, в тот роковой день оказались на том самом берегу.

Таких людей было около сотни, и некоторых из них он уже нашел. Расспрашивая их, Сюэ Сянь сумел выудить крупницы информации. Но этого было мало, катастрофически мало. Искать человека, имея на руках лишь эту ниточку, было все равно что искать иголку в стоге сена.

И вот уже полгода Сюэ Сянь пробирался из Хуамэна в эти края, надеясь найти хоть какую-то новую зацепку, чтобы поскорее выследить своего обидчика...

Тот, кто еще мгновение назад боролся с ним пальцами, внезапно затих. Сюань Минь решил, что противник наконец сдался и перестал бесполезно брыкаться. Он снова сунул Сюэ Сяня в потайной карман и, бросив взгляд на советника Лю, произнес:

— Ты должен был сегодня расстаться с жизнью, но кто-то взял твой грех на себя.

Сказав это, он отвел взгляд и добавил:

— Верить или нет — твое дело.

Больше тратить слова он не собирался и уже собрался уходить. Но разве можно так просто оскорбить человека и беспрепятственно удалиться?

Советника Лю привели в ярость эти рассуждения о скорой кончине. С одной стороны, он считал этого дикого монаха обычным шарлатаном, болтающим всякий вздор, с другой — страх за собственную жизнь все же закрался в душу, посеяв тревогу.

Девять из десяти бродячих мошенников любили играть по такой схеме: сначала ошарашить тебя предсказанием скорой беды, чтобы ты извелся от сомнений, потом ломаться для вида, а напоследок, изобразив из себя гордого отшельника, развернуться и уйти. Всегда находились те, кто клевал на удочку, думая: Ладно, откуплюсь от беды, вдруг он и вправду прав?

Советник Лю, мысленно уговаривая себя не поддаваться на обман, в то же время отдал приказ стражникам: Хватайте его!

Да как смеет этот монах водить за нос саму управу! Неужели он сам напрашивается на неприятности?!

Как раз когда стражники навалились гурьбой, пытаясь схватить Сюань Миня за рукава, откуда-то издалека донесся запыхавшийся голос:

— Господин! Господин, беда!

Все обернулись и увидели слугу, который, спотыкаясь, бежал к ним. Едва остановившись перед советником Лю, он выпалил с перекошенным от ужаса лицом:

— Господин, молодой господин! Молодой господин упал в колодец!

— Что?! — ноги советника Лю подкосились, а по спине пробежал холодок.

Он невольно взглянул на Сюань Миня, которого все еще удерживали стражники, и сердце его екнуло. В этот момент он не знал, что делать: бежать домой или вцепиться в монаха.

— Господин! — снова позвал слуга.

Советника Лю затрясло. В панике он сделал шаг, собираясь бежать вслед за слугой, но в суматохе почувствовал головокружение, ноги словно стали ватными, чужими. Он пробежал пару шагов, но резко остановился и обернулся:

— Отпустить, всем отпустить! — он сам ухватил Сюань Миня за рукав. — Ты... ты... нет! Пойдем со мной, взгляни!

Сюань Минь нахмурился и с явной брезгливостью смахнул его руку. Он уже хотел было что-то сказать, как вдруг почувствовал движение в потайном кармане. Бумажный человек, которого он только что туда убрал, умудрился выбраться, зацепился за рукав советника Лю, а затем, пользуясь тем, что слуга оказался рядом, прилип к его воротнику и умчался прочь.

Слуга бежал быстро, несмотря на короткие ноги, и в силу возраста вел себя суетливо, постоянно подпрыгивая. На бегу он каждые три шага оглядывался, дожидаясь советника Лю, и

его глаза настолько были заняты этим, что он даже не заметил, что у него на затылке приклеилось нечто странное.

Сюэ Сяню было неудобно передвигаться, и даже превратившись в бумажку, он оставался полупарализованным. Ему оставалось лишь цепляться руками за свою новую «лошадку».

Бумажное тельце было слишком легким, и из-за того, что слуга скакал, словно бешеная собака, Сюэ Сяня на ветру болтало так, что его чуть не вывернуло наизнанку. Наконец они добрались до усадьбы семьи Лю. Уезд Нинъян считался зажиточным местом, и советник Лю, по-видимому, жил неплохо: его дом был в несколько раз больше, чем разрушенная лечебница семьи Цзян.

Снаружи дом не казался чем-то особенным, но внутри все было обставлено с умом.

— Какое расточительство... — пробормотал Сюэ Сянь, осторожно выглядывая из-за головы слуги. Он окинул двор внимательным взглядом и про себя усмехнулся: — Жить так, будто не боишься смерти, — это надо уметь.

Слуга: «???»

Он замер у порога, чувствуя, что за спиной кто-то шепчется. Словно чьи-то губы прижались прямо к его шее, отчего по спине побежали мурашки, а волосы на голове зашевелились:

— К-к-кто здесь?

Сюэ Сянь небрежно бросил:

— Угадай.

Слуга: «...»

Мало того, что этот негодник использовал его как лошадь, так еще и до смерти перепугал.

Слуге было от силы двенадцать-тринадцать лет, и храбрости в нем было меньше, чем на кончике иглы. От одного короткого ответа Сюэ Сяня он, воя от страха, помчался прямо в гостевой зал, не дожидаясь остальных, и в итоге споткнулся о порог, растянувшись на полу.

При падении Сюэ Сяня сильно потрянуло, он не удержался и свалился с воротника, плавно опустившись на землю. Он уже собирался снова взобраться на одежду слуги, но тот, словно перепуганный кролик, вскочил и унесся прочь.

Сюэ Сянь: «...»

Вот что значит: погнался за зайцем, да сам попал впросак. Вышел погулять — получи расплату.

На земле лежала свернутая в несколько раз бумажка, но никто не обратил на нее внимания. В гостевом зале царил полнейший хаос: стар и млад в панике столпились вокруг юноши и плакали.

Передняя часть одежды юноши была насквозь мокрой, волосы растрепались и липли к лицу. Кто-то откинул пряди в сторону, обнажив мертвенно-бледное лицо. Глаза юноши были плотно закрыты, казалось, он уже не дышал.

Когда советник Лю, спотыкаясь, влетел в зал и увидел эту картину, ноги его снова подкосились.

— Цзинь-эр! — вскричал он.

Сюэ Сянь, лежавший на полу, резко обернулся и увидел перед собой лес ног.

Сюэ Сянь: «...»

В глазах у него потемнело. Не обращая внимания ни на что, он ухватился за стебель сухой травы, торчавший из каменных плит, пытаясь отползти подальше. Но не успел он проползти и дюйма, как чьи-то пальцы ухватили его за край.

— Какой внук меня схватил?! Отпусти! — выругался Сюэ Сянь, обернулся и едва не лишился чувств.

Опять этот проклятый монах!

Сюэ Сянь пришел в усадьбу Лю только для того, чтобы следить за советником и при случае выведать хоть какие-то зацепки. Зачем за ним приперся этот лысый? Разве он не делал вид, что ему нет дела? Неужели он пришел только ради того, чтобы поймать его?

В мире полным-полно всякой нечисти, почему этот монах прицепился именно к нему?! Сюэ Сянь в ярости мысленно проклинал его, он был уже сыт по горло этим типом.

Он вцепился в стебель травы, не желая сдаваться, но в итоге монах поднял его вместе с травинкой.

Сюань Минь держал беглеца двумя пальцами, его глаза, подобные черному лаку, слегка блеснули, глядя на бумажного человека с явным укором.

Сюэ Сянь в ответ закатил глаза: «...» Ты кто такой?

Пока они так препирались, Сюань Минь кончиком сапога слегка пнул круглый камень, валявшийся в клумбе. Камень покатился и как раз оказался под ногами у советника Лю. Тот, бежавший в панике, наступил на него, потерял равновесие и кубарем полетел вперед.

И надо же было такому случиться — он упал точно на грудь лежавшего без чувств юноши.

— Кхе... кхе-кхе!

Советник Лю, суетливо поднимаясь и собираясь обругать того, кто поставил ему подножку, внезапно замер, услышав, как юноша, который минуту назад был бездыханным, начал кашлять, захлебываясь водой. Кашель был надрывным, но вскоре лицо юноши порозовело, к нему вернулись признаки жизни, и он наконец смог сделать вдох.

Гостевой зал взорвался возгласами — кто-то ликовал, кто-то пребывал в изумлении.

Советник Лю долго стоял, не в силах прийти в себя, а затем приказал поскорее отнести молодого господина в комнату и вызвать лекаря.

Успокоив жену, глаза которой распухли от слез, он повернулся, с сомнением посмотрел на камень, а затем перевел взгляд на Сюань Миня.

Эта суматоха утомила Лю Сюя. Небо начало светлеть, и в патио пробивались первые лучи утреннего солнца. Лю Сюй еще раз внимательно осмотрел Сюань Миня.

Он все еще считал, что монах слишком молод и совсем не похож на великого мастера, — по крайней мере, опыта у него явно не хватало. Мечтать о том, чтобы стать высокочтимым монахом в двадцать с небольшим, — это все равно что грезить наяву. Медные монеты на поясе монаха были серыми и неприметными, и любой простолюдин принял бы его за обычного шарлатана.

Но ведь все, что произошло только что, было у всех на виду.

Сюань Минь сказал: «Кто-то отвел от тебя беду», и тут же его сын Лю Цзинь упал в колодец. Он бежал, и перед ним невеста откуда взялся камень, из-за которого он споткнулся и тем самым «оживил» сына.

Если бы произошло что-то одно, можно было бы списать на случайность, но при таком

стечении обстоятельств слово «случайность» уже не приходило на ум.

Неужели этот монах и вправду великий мастер?

Советник Лю, скрестив руки, натянул неловкую улыбку и сложил ладони в приветственном жесте:

— Ослеп, ослеп я... Прошу прощения...

Сюань Минь не ответил, лишь окинул взглядом усадьбу.

От этого жеста советник Лю издал звук: «С-с!».

— Мастер, простите за холодный прием, не держите зла на грубого человека. Мое поведение было продиктовано обстоятельствами. Вы только посмотрите на этот дом — я специально приглашал людей, чтобы все устроить по фэншую. Разве может здесь иссякнуть жизненная энергия или наступить смертный час?

Сюэ Сянь презрительно фыркнул: «Лишь внешняя мишура».

Хотя, если по правде, в этой усадьбе и вправду трудно было к чему-то придраться. Дом был обращен на юг, прислонен к горе, внутренний двор был спланирован по принципу «четыре воды возвращаются в дом», чтобы собирать богатство и удачу. Перед главным входом был вырыт извилистый пруд, что символизировало «извилистые воды, входящие в светлый чертог», — верный признак карьерного роста и успеха.

Конечно, сам Сюэ Сянь в искусстве фэншуй разбирался лишь поверхностно; для того, у кого чешуйчатое тело, все эти тонкости были лишь пустой тратой сил.

Он судил о доме только по наитию. Как только он переступил порог, усадьба вызвала у него неприятное ощущение, поэтому он и бросил фразу о том, что советник Лю «занимается самоубийством».

А в чем именно проблема и как ее решить — это дело лысого, его это не касается.

После того как он «сразился» с пальцами Сюань Миня и вдоволь намучился, у него наконец не осталось сил, и он притих. Жизнь в теле из тонкой бумаги все же накладывала слишком много ограничений, что для человека, привыкшего в прошлой жизни к роскоши, было крайне унижительно.

Сюань Минь снова сунул его в карман. Сюэ Сянь, закатив глаза, лежал у самого края и наблюдал за домом семьи Лю, как вдруг кто-то подал голос.

— Что ты бормочешь? Где мы? — Цзян Шинин, полдня провалявшийся в кармане, наконец набрался смелости, высунул голову и прошептал так тихо, что слышать его мог только Сюэ Сянь. Казалось, он очень боялся Сюань Миня.

— В доме того самого советника, — насмешливо ответил Сюэ Сянь. — Ты что, оглох? Весь двор уже полдня воет от горя...

Голос Цзян Шинина замер:

— ...Советник? Советник из уезда Нинъян?

— А то кто же? — буркнул Сюэ Сянь.

Цзян Шинин вдруг замолчал.

Сюэ Сяню это показалось странным, и он бросил на него взгляд:

— Онемел?

Цзян Шинин молча забился обратно вглубь кармана и глухо произнес:

— Просто вспомнил старые дела.

— Старые дела?

— Моя лечебница семьи Цзян и этот советник Лю... у нас были давние счета, — прошептал он.

— Какие счета? — спросил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин помолчал, а потом тихо добавил:

— Кровавые.

Сюэ Сянь: «...» Когда дело доходит до кровавых счетов, разве можно использовать слово «счета»?

Сюэ Сянь хотел спросить подробности, но Сюань Минь внезапно развернулся и холодно окликнул кого-то у боковой двери:

— Кто там за стеной?

Это была узкая дверь в боковом коридоре, за которой скрывался узкий проход, зажатый между глухими стенами. Место было крайне неудобным, и его легко можно было не заметить.

Едва Сюань Минь закончил фразу, как за дверью послышалось глухое «тук», словно кто-то наступил на шатающуюся каменную плиту.

Лицо советника Лю изменилось, он натянуто улыбнулся:

— Это просто подсобка, тоже часть моего дома, ничего особенного. Мастер, может, пройдемте... с-с, ты зачем вышел?

Он хотел перевести внимание Сюань Миня на главный дом, но не успел договорить, как из-за узкой двери показалась фигура.

Это был молодой человек в серо-синем халате. На вид ему было около двадцати, примерно одного возраста с Сюань Минем. Однако выражение его лица было крайне странным: он цеплялся руками за дверной косяк, с боязливым любопытством глядя на гостей, точно ребенок, прячущийся за дверью.

После окрика советника Лю он растерянно съежился, пытаясь спрятаться, но не смог — половина лица все еще была видна.

Там не было фонарей, поэтому черты его лица казались размытыми.

Сюэ Сянь не мог разглядеть его отчетливо, но интуитивно почувствовал, что этот мужчина связан с советником Лю некими особыми узами. Он тихо прошептал Цзян Шинину:

— Кто это? Ты его знаешь?

Цзян Шинин даже не взглянул туда:

— Я никогда не был в резиденции советника, откуда мне знать?

Сюань Минь нахмурился, глядя на заметно занервничавшего советника, и направился к узкой двери.

— Эй, мастер... — советник Лю, вероятно, еще не встречал людей, которые вели бы себя так по-хозяйски. — Он не опасен, правда. Это мой непутевый старший сын, Лю Чунь. Свой человек, ничего подозрительного.

Видимо, он боялся, что слабоумный сын опозорит его, и, видя, что остановить Сюань Миня не удастся, махнул сыну рукой, одновременно умоляюще и грозно:

— Чунь-эр, будь послушным, иди к себе в комнату. Я обсуждаю с мастером важное дело.

Это замечание вызвало у Сюань Миня лишь холодный, равнодушный взгляд.

Сюань Минь сказал ледяным тоном:

— Ты распорядился устроить «извилистые воды, входящие в светлый чертог», чтобы удерживать удачу. Но здесь, на западе, у тебя сквозной проход.

Более того, юго-западный угол был мрачным и темным, там скапливалась скверна, и о гармонии не могло быть и речи.

Сюэ Сянь, следя за его словами, взглянул на сумрачный проход за дверью и подумал: либо мастер фэншуй, которого нанимал советник, был дилетантом, либо... этот проход советник пробил сам.

И точно: услышав слова Сюань Миня, советник Лю заметно смутился и неловко произнес:

— По правде говоря, этот проход был сделан позже.

Тем временем Сюань Минь перешагнул порог и оказался за дверью.

Старший сын советника, Лю Чунь, увидев гостя, сначала попятился, цепляясь за стену, а потом робко улыбнулся Сюань Миню.

Сюэ Сянь заметил, что двигался он неловко — не из-за болезни, а как-то неуклюже. На лицо он был хорош — пошел в мать, а не в отца: большие светлые глаза. По идее, он должен был быть смышленным, а его улыбка — располагать к себе. Но из-за глуповатого взгляда в этой улыбке сквозила лишь наивная невинность.

Стало ясно: Лю Чунь был слабоумным.

Раньше, что бы ни говорил советник Лю, Сюань Минь оставался абсолютно равнодушным. Но сейчас, глядя на улыбающегося дурачка, он внезапно проявил «вежливость» — кивнул Лю Чуню. Хотя на его лице по-прежнему не было эмоций, это был своего рода ответ.

Лицо советника Лю позеленело. Очевидно, в глазах Сюань Миня он — советник уезда — стоил меньше, чем этот дурачок.

За узкой дверью был не только проход.

Сюэ Сянь выглянул из кармана. В конце прохода была не тупиковая стена, а неприметная комната. Она была крошечной, на первый взгляд похожей на чулан для всякого хлама. Однако Сюэ Сянь заметил, что слабоумный Лю Чунь робко отступает именно к этой комнате.

Человек, который плохо понимает, что происходит вокруг, в присутствии чужаков всегда ищет место, где ему спокойно. Либо рядом с родителями, либо в своей комнате. Это Сюэ Сянь понял за полгода скитаний по миру.

Лю Чунь явно принадлежал ко второму типу.

Сюэ Сянь сразу решил, что советник Лю — человек удивительный. Какой отец будет селить собственного сына в таком мрачном месте? Это что, он так сына, как полевую мышь, в норе держит?

К тому же, комната была пропитана такой густой скверной, что Сюэ Сянь, если бы не видел своими глазами, что здесь живут, решил бы, что это гробница.

Видимо, советник Лю скрывал это место, боясь, что Сюань Минь его увидит. Но монах все же заметил. Пришлось советнику строить из себя невинность и, запинаясь, оправдываться:

— У моего сына странный характер, он не любит шума и всегда просит жить в уединенном месте.

Сюэ Сянь: «...» Слушай ты свои бредни! А почему ты тогда не поселил его где-нибудь на кладбище за городом? Там самое тихое место, и скверны меньше, чем здесь.

Даже советнику Лю было неловко произносить такую ложь, он кашлянул и попытался сменить тему:

— Мастер, тот сквозняк, о котором вы говорили, — это вот этот проход?

— И эта комната тоже, — ответил Сюань Минь.

— Если я распоряжусь заложить высокое окно с южной стороны комнаты, то сквозняк исчезнет? — спросил советник Лю.

— Заложить? — холодно переспросил Сюань Минь и, нахмурившись, указал на Лю Чуня: — А ему чем дышать?

Советник Лю:

— Это... недоглядел, приношу свои извинения.

После этих слов Сюэ Сянь окончательно разочаровался в советнике: его старший сын просто немного слабоумен, а отец совсем не печется о его жизни.

Что еще смешнее, когда Сюань Минь прижал его к стенке, советник Лю лишь развел руками, словно был беспомощен. Казалось, он даже не думал о том, чтобы переселить Лю Чуня из этой комнаты, а потом уже заделывать этот проход.

<http://bllate.org/book/21932/2278720>